

Так посмотрев, тутёха Мэн действительно его не обманула.

Су Чанцин перевёл взгляд на винный бокал и, хоть голос его и был тихого, но решительного звучания, произнёс:

— Выйдешь замуж за курицу — живи с курицей, выйдешь за собаку — живи с собакой. Раз уж я вышел за тебя, то теперь я твой человек, и у меня попросту не может быть мыслей брезговать тобой.

Слушая то, как человек в его объятиях произнёс фразу «твой человек», Лян Вэйдун почувствовал, что вино всё ещё находится у него в руке, но у него самого уже появилось предчувствие хмельного опьянения.

Вот почему все те мужчины стремятся жениться! Каждый день слышать от своей второй половинки сладкие речи — кому же это не понравится?

При условии, что этот человек соответствует его собственному эстетическому вкусу, мысленно добавил про себя Лян Вэйдун.

Услышав такие слова от Су Чанцина, он тоже сбросил с лица шутливое выражение и торжественно произнёс:

— Я буду хорошо относиться к тебе с этого дня.

Закончив говорить, он сам обогнул руку Су Чанцина, заглянул ему в глаза и залпом осушил вино из своего бокала.

Су Чанцин вслед за ним тоже медленно выпил этот бокал обручального вина.

Он отнёс Су Чанцина обратно на кровать и сказал:

— Посиди пока минутку. — После чего сам открыл дверь и вышел.

Вскоре Лян Вэйдун вернулся в комнату с флаконом лекарства в руке.

Он без лишних слов присел на корточки перед Су Чанцином и, смутно припомнив, что когда тот шёл, его левая нога казалась немного болезненной, снял с него левый ботинок и носок.

И впрямь, область лодыжки заметно распухла.

Су Чанцин сообразил, что тот собирается сделать, и поспешно потянул руку вниз, пытаясь

остановить его движение, после чего в спешке произнёс:

— Я сам справлюсь!

В его подсознании укоренилось убеждение, что мужу категорически не подобает прислуживать жене, иначе это будет считаться нарушением женской добродетели; будучи гэ-эром, он придерживался тех же взглядов. В конце концов, в его собственном доме мать выполняла именно такую роль — покорно сносила всё подряд, пока отец целыми днями только и делал, что пил, бранился да швырял вещи.

— Сушья мелочь, я сам сделаю.

Будучи человеком современного мира, Лян Вэйдун, разумеется, не мог понять, к чему такое жеманство со стороны Су Чанцина, но держать в руках эту пару белых нежных стоп было до того приятно, что он едва ли мог заставить себя выпустить их.

Он был намного выше Су Чанцина, и эти стопы в его руках лежали просто идеально, казалось, даже испуская легкий аромат.

Неужели это из-за того, что перед свадьбой обязательно нужно намазаться благовонными мазями?

Это совсем не походило на его прежних знакомых, у которых носки лежали до тех пор, пока не затвердеют, и только тогда их несли стирать, а от кис зловонного запаха комары дохли в радиусе десяти лири.

Он накапал на ладонь целебного масла и неумело принялся растирать ногу Су Чанцина. Из-за того, что он опустил голову, он не сразу заметил лёгкое выражение боли на лице Су Чанцина.

С губ Су Чанцина сорвалось тихое шипение.

— Что такое? — Лян Вэйдун услышал звук, остановил движения пальцев и поднял голову: бледное лицо Су Чанцина слегка покраснело от того, что тот до боли закусил губу.

Только теперь он сообразил, что, возможно, приложил слишком много силы, и торопливо спросил:

— Я слишком сильно надавил и сделал тебе больно?

Су Чанцин чуть заметно кивнул.

— Тогда я буду полегче.

Закончив натирать лекарство, они оба сняли алые праздничные халаты, оставшись лишь в белых нижних одеждах. Всё это время никто не произносил ни слова, в воздухе незримо висело напряжение неловкости, и казалось, что ни одна из сторон вовсе не намерена приступить к первой брачной ночи.

Лян Вэйдун поглядел на зажатого человека рядом с собой и задумался: не постелить ли ему постель на полу, так оно было бы лучше?

Но сейчас ведь ужасно холодно, к тому же у них не осталось лишних толстых ватных одеял, а большую часть мебели в комнате приобрели совсем недавно как раз ради женитьбы нового супруга.

Однако, взвесив всё хорошенько, он всё же подал голос:

— Тебе непривычно засыпать, когда кто-то лежит рядом? Может, мне постелить на полу?

Стоило ему только договорить, как изящные брови Су Чанцина тут же сошлись на переносице, тонкие губы приоткрылись, и он холодно бросил:

— Не нужно.

— Ох, ну тогда давай спать, — с досадой произнёс Лян Вэйдун. Ура, не придётся спать на полу!

Он приподнялся, задул масляную лампу и снова лёг на кровать, стараясь лежать аккуратно, чтобы не задеть Су Чанцина и не вызвать у него дискомфорта. Из-за этого промежуток между ними оставался таким большим, что туда запросто поместился бы ещё и третий.

Спустя мгновение, как раз когда Лян Вэйдун уже решил, что лежащий рядом человек давно крепко заснул, от повернувшегося к нему спиной Су Чанцина неожиданно донеслось:

— Мне немного холодно.

Холодно? Что же делать? Одеяла больше нет. Может, согреть телом? Они же оба мужчины, ничего страшного ведь?

Он осторожно придвинулся, медленно смещаясь в сторону Су Чанцина. Тот не стал сопротивляться, и Лян Вэйдун, почувствовав себя увереннее, прижался к нему, обхватив руками и подтягивая к своей груди.

— Так лучше? — выдыхаемый им во время разговора горячий воздух оведал шею Су Чанцина, отчего по всему его телу побежали мурашки, а голос в ответ прозвучал чуть мягче:

— Так гораздо лучше.

Лян Вэйдун не стал ломать голову над этим, в конце концов, когда он незадолго до этого растирал Су Чанцину ноги, те и вправду были ледяными.

А прижимаемый к себе Су Чанцин в темноте, где никто не мог его увидеть, невольно расплылся в улыбке.

На следующий день в час мао, едва забрезжил рассвет, со двора донеслось одно за другим петушиное кукареканье, грубо вырвав из крепкого сна Лян Вэйдуна, который всё ещё спал в комнате.

Заметив, что человек рядом с ним собирается встать, он тут же капризно прижал его к себе покрепче: ведь если тот встанет, он лишится удобной живой подушки для объятий. С ноткой обиды в голосе он пробормотал:

— Поспи ещё немного.

Су Чанцин улыбнулся от такого тона — неужели у этого человека бывает утреннее ворчание? Разве тутёха Мэн не говорила, что этот парень трудолюбивый?

Лян Вэйдун, который так хотел досмотреть свой утренний сон, вдруг почувствовал, как кто-то легко похлопал его по руке:

— Ты поспи, а я пойду приготовлю завтрак.

С детства переняв от отца его привычки и обладая ярко выраженным мужским шовинизмом, Лян Вэйдун с малых лет считал, что он, будучи мужчиной, после женитьбы ни в коем случае не должен позволять жене выполнять домашнюю работу и терпеть обиды. Жена — это небо, жена — это земля, жена должна быть только счастлива, а всё остальное — зарабатывание денег, обеспечение семьи, воспитание детей и готовка — исключительно его забота, и даже сейчас, когда его брачным партнёром оказался мужчина, это правило не менялось!

Ведь крылатая фраза, которую вдолбил ему отец, гласила: счастлива жена — счастлива вся семья! Будешь слушать жену — разбогатеешь!

А в том мире, где он находился, больше всего не хватало как раз денег.

Поэтому, услышав слова Су Чанцина, Лян Вэйдун, несмотря на всё ещё слипавшиеся глаза, тут

же подскочил, заново уложил Су Чанцина в постель, тщательно укрыл одеялом и сказал:

— Я сам всё приготовлю, а ты лежи и отдыхай.

Глядя вслед удаляющейся спине Лян Вэйдуна, Су Чанцин почувствовал, как у него в носу неожиданно защипало.

Его семья была бедной, к тому же он был старшим ребёнком, за которым росли младшие брат и сестра. Отец предавался лени и праздности, и обычно большую часть домашних дел он выполнял вместе с матерью. Су Чанцин уже и не помнил, когда в последний раз позволял себе понежиться в постели поутру — в памяти осталось лишь то, что ему приходилось трудиться до седьмого пота, иначе его, как и других гэ-эров, ждала участь быть проданным в раннем возрасте какому-нибудь одинокому деревенскому старику, а тех, кто почище лицом, отправляли в уездный город в качестве утех для богачей.

<http://bllate.org/book/29900/3640407>